

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА КАК СУБЪЕКТ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Обосновывается идея о том, что юридическая интеллектуальная элита являлась субъектом правового дискурса русской журнальной прессы второй половины XIX – начала XX в. Правовой дискурс рассматривается как все измерения, реальные и воображаемые, отношения общества к праву. Однако в журнальной прессе наиболее значимыми типами правового дискурса были научный и информационно-аналитический. Юридическая интеллектуальная элита как его субъект была представлена крупными специалистами в области научной юриспруденции. Доказывается, что на протяжении рассматриваемого периода расширялся круг интеллектуалов-правоведов, сотрудничавших в печати, а также изменялось содержание дискурса: от истории юстиции к анализу актуальных ее вопросов, что было ответом на потребности читающей аудитории.

Ключевые слова: юридическая интеллектуальная элита, правовой дискурс, «толстый» журнал, интеллектуальная культура, интеллектуальная деятельность.

Период модернизации второй половины XIX – начала XX в. был также временем серьезных качественных изменений в отечественной интеллектуальной культуре. Это вызвано стремительно изменяющейся и усложняющейся социально-экономической реальностью, ростом числа лиц, способных квалифицированно интерпретировать происходившие события с разных точек зрения. Проблемы права в самом широком смысле (начиная от его истории и заканчивая организацией юридического образования) стали в рассматриваемый период предметом пристального осмысления. Переход от патриархальных к формальным правовым отношениям делал необходимым для значительной части населения знание действующего законодательства [1, с. 24]. Причем это касалось не только недавних крепостных. Даже сравнительно высоко для дореволюционной России образованные люди, но воспитанные в традиционном духе, не всегда могли адаптироваться к провозглашенным Судебными уставами 1864 г. ценностям. Поэтому потребность понять и принять (или не принять) произошедшие изменения они удовлетворяли через печатное слово, а точнее, через самый распространенный его вариант – периодику. «Толстый» журнал во второй половине XIX – начале XX в. составлял основу чтения образованного общества. Наиболее популярными из них в рассматриваемый период являлись «Русский вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское обозрение», «Русское богатство», «Мир Божий». Авторский корпус ежемесячников был представлен интеллектуальной элитой Российской империи – многогранной социально-профессиональной общностью, образовавшейся из множества разветвленных групп, среди которых особо выделяется именно научный тип элиты [2]. Функции интеллектуальной элиты, по мнению В. И. Маркова и П. В. Аксенова, заключаются в генерировании ценностей, символов и образцов. Зна-

чимость и авторитет членов интеллектуальной элиты позволяют разрабатывать и внедрять в массовое сознание модели поведения и осмысления социальной действительности либо же генерировать в политическую элиту каналы воздействия на массовое сознание и поведение людей. Показательным в этом отношении было сотрудничество интеллектуальной элиты в ежемесячниках, поскольку, как отметил А. И. Рейтблат, «в условиях неразвитости политической жизни журнал способствовал формированию общественного мнения по тем или иным актуальным вопросам» [3, с. 40]. Юристы как представители интеллектуальной элиты посредством активной публицистической деятельности оказывали серьезное влияние на правовые представления образованных россиян.

Целью настоящей статьи является обоснование положения о том, что во второй половине XIX – начале XX в. юридическая интеллектуальная элита являлась субъектом правового дискурса ежемесячников. Данная проблема рассматривается с точки зрения истории интеллектуальной культуры, предполагающей анализ дискурса в его историческом развитии, истории интеллектуальной деятельности и поддерживающих ее институтов, изучения способов мышления, языков и средств коммуникации [4, с. 7–8]. С. Н. Зенкин отметил, что интеллектуальная культура включает в себя способ мыслить (как), что мыслят – каталог тем с определенными приоритетами и тех, кто мыслит – интеллектуалов, занимающих определенное место в общественном мнении и самооценке [5, с. 5].

Вариантов интерпретации понятия «правовой дискурс» множество, выбор в пользу того или иного его содержания определяется в большинстве случаев профессиональной принадлежностью автора. Чаще всего таковыми являются специалисты, занимающиеся исследованиями на стыке юриспруденции и филологии и привлекающие в качестве

эмпирической базы для своих трудов современное законодательство и судебное делопроизводство [6, 7]. Данные разработки, несомненно, имеют ценность и применимы для изучения прошлого, однако для раскрытия правового дискурса как части истории интеллектуальной культуры наиболее оптимальным представляется его определение как всех измерений, реальных и воображаемых, отношения общества к праву, куда включаются труды не только профессиональных юристов, но и писателей [8, с. 20–22]. Правовой дискурс ежемесячников был научным, информационно-аналитическим и художественным. Однако вписанные в литературный контекст юридически значимые ситуации преследовали цели повышения остроты коллизий, а не правового просвещения читательской аудитории. Именно созданные профессионалами научные и информационные статьи способствовали знакомству образованного общества с достижениями академической юриспруденции и новациями в законодательстве.

Филолог Н. Г. Храмцова обосновала правовой дискурс как систему правовой коммуникации. Его основными элементами являются коммуникатор (субъект права), текст, содержащий правовую информацию (правовой текст), канал (средства массовой информации) и коммуникант (субъект права). Коммуникатор создает текст и посылает его по каналам связи коммуниканту, реализуя цели той или иной социальной системы и удовлетворяя те или иные запросы коммуниканта как члена социума [9]. Применяя предложенную модель к конкретно-историческому исследованию, можно выстроить следующую схему: правовой дискурс русской журнальной прессы второй половины XIX – начала XX в. состоит из его «субъектов-адресантов» – представителей юридической интеллектуальной элиты, принимающих участие в издательской и публицистической деятельности; правовой информации – публикуемых в «толстых» журналах научных и информационных статей соответствующей тематики и каналов передачи правовой информации (журнальная пресса), а также «субъекта-адресата», которому представляемая информация предназначена. Е. А. Кожемякин обратил внимание на то, что «дискурс как процесс, в котором зарождаются, развиваются и вербализуются смыслы, создает такую ситуацию, в которой субъект не может помыслить и высказать то, что не „запрограммировано“ культурой» [10]. Поэтому любой дискурс, и правовой в том числе, реализуется не столько в субъект-объектном, сколько в субъект-субъектном взаимодействии. Правовое содержание ежемесячников, как научное, так и информационно-аналитическое, было ответом на запросы читателей: ученых и литераторов, учащейся молодежи, помещиков.

«Субъектом-адресантом» дискурса выступает любой агент смысловоспроизводящей деятельности: индивиды, социальные и культурные группы, организации, институты [10]. Анализ авторского корпуса журналов показал, что статьи, посвященные правовой проблематике, принадлежали юристам высокого уровня квалификации, подтверждаемой причастностью к профессорской корпорации или обладанием высокой должности по линии Министерства юстиции. Принадлежность к интеллектуальной элите определяется также через ключевой признак – интеллектуальный труд как институализированную форму целесообразной умственной деятельности человека и субстанции духовного производства, в котором производство идеальных продуктов и культурного капитала не сводится к «сознательным» и «рациональным» модусам деятельности, органически сочетается с ценностно-волевыми моментами, включает иррациональные импульсы активности конкретно-исторических индивидов [11, с. 8]. Публицистическая деятельность рассматривалась юристами как вид интеллектуального труда с достаточно четко прослеживающимися мотивами. Первым являлась прямая материальная заинтересованность, связанная с тем, что труд интеллектуалов, хотя и стал признанным видом деятельности, ценился крайне низко, что делало дополнительный источник доходов порой жизненно необходимым. На этом особенно заостряли внимание в своих мемуарах И. И. Янжул и Ф. Г. Тернер, для которых сотрудничество в печати, особенно на начальном этапе научной карьеры, было значимым для элементарного выживания [12, с. 75; 13, с. 140–142; 14, с. 455]. Кроме того, опубликование в ежемесячниках результатов научных исследований могло положительно сказаться на карьерном росте, как это произошло с К. П. Победоносцевым [15, с. 62]. Не менее важную роль играло желание поделиться с обществом своими суждениями по значимым вопросам, что особенно характерно в период обсуждения Великих реформ, когда были сняты цензурные ограничения и реальность предоставила огромное количество тем для обсуждения, среди которых проблемы юстиции занимали одно из ведущих мест [16].

Представляется существенным фактор, который вытекает из особенностей юридической профессии и образования. Юридическое образование в предреформенной и пореформенной России было западного типа, а те лица, которые сотрудничали в серьезной печати, обязательно бывали в зарубежных командировках для продолжения обучения или по служебным делам. Правоведы имели представление об истории юридической профессии в Европе, контактировали со своими иностранными коллегами и видели, какую роль играли юристы в

западных странах. Возвращаясь в Россию, они могли претендовать на аналогичные роли. Единственной легальной возможностью заявить о своих общественно-политических взглядах была периодическая печать. Одним из ярких примеров здесь является редактор «Русской мысли» В. А. Гольцев. Симптоматично, что юристы были ведущими рубрик, посвященных актуальным вопросам: «Внутреннее обозрение», «Политическое обозрение», «Иностранное обозрение», то есть являлись субъектами и политического дискурса.

Социальный состав юристов, сотрудничавших в ежемесячниках, с одной стороны, свидетельствует о том, что они являлись представителями дворянского, духовного, купеческого, мещанского и крестьянского сословий, то есть отвечали одному из критериев принадлежности к интеллектуальной элите – разнообразному происхождению. Заметно, что пополнение круга интеллектуалов выходцами из разных групп происходило по нарастающей в период второй половины XIX – начала XX в. Если юристы, публиковавшиеся в «Русском вестнике» либерального периода, все являлись дворянами, то авторы появившихся на 25–35 лет позже «Русской мысли» и «Мира Божьева» представляли практически все социальные группы. С другой стороны, отпечаток накладывал традиционный для страны приоритет дворянства. Большинство юристов-интеллектуалов принадлежали к избранному сословию Российской империи разной степени материального достатка: от одного из богатых помещиков Украины М. М. Ковалевского до, например, С. И. Живаго, у которого из атрибутов дворянства осталось только звание. Несмотря на то, что во второй половине XIX в. профессиональная интеллектуальная деятельность рассматривалась как допустимая для благородного сословия, а в научных кругах роль социального происхождения снижалась, доктор государственного права Л. А. Камаровский неизменно указывал графский титул перед своей фамилией.

Особенностью локализации юридической интеллектуальной элиты было проживание в крупных университетских городах, прежде всего Москве и Санкт-Петербурге. Группирующиеся вокруг изданий ее представители могли являться коллегами по университетской кафедре, учреждений Министерства юстиции, соратниками по благотворительной или общественной организации. Публицистическая деятельность в «толстых» журналах

осознавалась ими как вид возмездного интеллектуального труда и способ просвещения образованной читательской аудитории. Поднимаемая в научных статьях тематика касалась вопросов прошлого отечественной и зарубежной юстиции, а также назревших правовых проблем. О. Б. Леонтьева обратила внимание, что споры о российской государственности (и праве, соответственно. – *И. А.*), о соотношении демократического и монархического начал в истории «воспринимались как живые, актуальные, пронизывающие собой современность» [17, с. 192]. Посвященные глубокому анализу современной авторам системы юстиции статьи начали появляться с 1880-х гг. Связано это не столько с политикой Александра III, сколько с реалиями русской жизни. С одной стороны, за прошедший период накопился достаточный статистический и фактический материал, позволяющий делать взвешенные выводы о положительных и отрицательных сторонах судебной системы. С другой – пореформенный период повлек за собой настолько кардинальные изменения, которые требовали качественно новых механизмов регулирования. Это наиболее ярко проявилось в трудовом и семейном законодательстве, приводило к привлечению в журналы авторов, специализирующихся в данных сферах юридической науки и практики.

В России второй половины XIX – начала XX в. публичная деятельность ученых – участие в чтении лекций, сотрудничество в прессе – была ответом на потребности образованного общества. Популярность ежемесячников дала возможность конструирования правового дискурса журнальной прессы как значимого элемента интеллектуальной культуры. Значимость юридической интеллектуальной элиты как «субъекта-адресанта» определяется тем, что она распространяла научные знания о праве, предоставляла актуальные информационно-аналитические материалы и актуализировала необходимость изменений в той или иной сфере. Сформированное у большинства юристов представление мессианской роли своей профессии, желание перестроить окружающий мир в соответствии с правовым идеалом, стремление большинства издателей видеть известных ученых в числе своих сотрудников приводило к постоянному присутствию в «толстых» журналах текстов, посвященных вопросам юстиции, которые были созданы представителями юридической интеллектуальной элиты.

Список литературы

1. Рейтблат А. И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014. 416 с.
2. Марков В. И., Аксенов П. В. Интеллектуальная элита России: проблема идентификации и идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2013. № 12 (38). Ч. 2. С. 121–127.
3. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 448 с.

4. Репина Л. П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. 848 с.
5. Зенкин С. Н. Введение // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. М.: НЛО, 2005. 524 с.
6. Костина Н. Н. Репрезентация понятия «права человека» в правовом дискурсе // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2013. № 35 (326). С. 69–73.
7. Платонова Е. В. Дискурс покаяния: когнитивные структуры и особенности коммуникантов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. № 13 (141). С. 202–206.
8. Бенн С. Одежды Клио. М.: Канон+, 2011. 304 с.
9. Храмцова Н. Г. Особенности правового дискурса как системы правовой коммуникации // Вестн. Тюменского гос. ун-та. 2006. № 1. С. 167–173.
10. Кожемякин Е. А. Субъект дискурса // Дискурс-Плюс. Т. 10. № 3. С. 125–126.
11. Бондаренко Е. А., Римский В. П. Интеллектуальный труд и духовное производство: философско-методологическая экспликация понятий // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: «Философия, социология, право». 2014. № 27 (173). С. 33–42.
12. Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М.: Гос. публ. истор. библиотека России, 2006. 459 с.
13. Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни // Русская старина. 1909. № 7–8. С. 127–162.
14. Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни // Русская старина. 1909. № 9. С. 445–474.
15. Полунин А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 374 с.
16. Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 2. 258 с.
17. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: Книга, 2011. 448 с.

Адоньева И. Г., кандидат исторических наук, доцент.

Новосибирский государственный технический университет.

Пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630073.

E-mail: adoinessa@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24.07.2015.

I. G. Adonyeva

LAW INTELLECTUAL ELITE AS THE SUBJECT OF LEGAL DISCOURSE OF RUSSIAN “FAT” MAGAZINES IN THE SECOND HALF OF 19TH – BEGINING 20TH CENTURIES

This article substantiates the idea that the legal intellectual elite was the subject of legal discourse of Russian coffee press in the second half of XIX – begining XX century. Legal discourse is seen as all measurements, the real and the imaginary, the relationship of society to the right. However, in a “fat” magazines the most important types of legal discourse were scientific and analytical. Legal discourse of Russian magazine press in the second half of XIX – early XX centuries consists of the “subjects-addresser” – representatives of the law intellectual elite, involved in publishing and journalistic activities; legal information is published in the “fat” magazines, scientific articles and information on relevant topics and channels of transmission of legal information (magazine press) and subject-addressee for whom this information is intended. Law intellectual elite as the subject was presented by major specialists in the field of scientific jurisprudence. It is proved that during the period under review the circle of intellectuals-lawyers who cooperated in press expanded, and also changed the content of discourse: from the history of justice to the analysis of the actual questions, what was the response to the needs of a reading audience.

Key words: *Law intellectual elite, legal discourse, “fat” magazine, intellectual culture, intellectual activity.*

References

1. Reytblat A. I. *Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing across: Articles on biography, sociology and history of literature]. Moscow, NLO Publ., 2014. 416 p. (in Russian).
2. Markov V. I., Aksenov P. V. *Intellektual'naya elita Rossii: problema identifikatsii i identichnosti* [Russian Intellectual Elite: problems of identification and identity]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art*, 2013, no. 12 (38), part. 2, pp. 121–127 (in Russian).
3. Reytblat A. I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugiye raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and another papers about sociology of Russian literature]. Moscow, NLO Publ., 2009. 448 p. (in Russian).
4. Repina L. P. *Intellektual'naya kul'tura kak predmet issledovaniya* [Intellectual culture as a subject of study]. *Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoye vremya* [Ideas and people: intellectual culture of Europe in modern times]. Ed. L. P. Repinoy. Moscow, Akvilon Publ., 2014. 848 p. (in Russian).

5. Zenkin S. N. Vvedeniye [Preface]. *Respublika slovesnosti. Frantsiya v mirovoy intellektual'noy kul'ture* [Republic of Letters. France in the world of intellectual culture]. Moscow, NLO Publ., 2005. 524 p. (in Russian).
6. Kostina N. N. Reprezentatsiya ponyatiya «prava cheloveka» v pravovom diskuse [Representation of definition "human rights" in legal discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 35 (326), pp. 69–73 (in Russian).
7. Platonova E. V. Diskurs pokayaniya: kognitivnye struktury i osobennosti kommunikantov [Confession discourse: cognitive structures and peculiarities of communicants]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, no. 13 (141), pp. 202–206 (in Russian).
8. Benn S. *Odezhdy Klio* [The clothing of Clio]. Moscow, Kanon+ Publ., 2011, 304 p. (in Russian).
9. Hramtsova N. G. Osobennosti pravovogo diskursa kak sistemy pravovoy kommunikatsii [Features of legal discourse as a system of legal communication]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Tyumen state University*, 2006, no 1, pp. 167–17 (in Russian).
10. Kozhemyakin E. A. Sub'ekt diskursa [The subject of discourse]. *Diskurs-Plus – Didcourse-Plus*, vol. 10, no 3, pp. 125–126 (in Russian).
11. Bondarenko E. A., Rimskiy V. P. Intellektualnyy trud i dukhovnoye proizvodstvo: filosofsko-metodologicheskaya eksplikatsiya ponyatij [Intellectual labor and mental production: philosophical and methodological explication of notions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: "Filosofiya, sotsiologiya, pravo" – Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: "Philosophy Sociology Law"*, 2014, no. 27 (173), pp. 33–42 (in Russian).
12. Yanzhul I. I. *Vospominaniya o perezhitom i vidennom v 1864–1909 gg.* [Memories about the experience and the seen in 1864–1909]. Moscow, Gos. publ. istor. biblioteka Rossii Publ., 2006, 459 p. (in Russian).
13. Ternер F. G. *Vospominaniya zhizni* [The memories of life]. *Russkaya starina – Russian Antiquity*, 1909, no. 7–8, pp. 127–162 (in Russian).
14. Ternер F. G. *Vospominaniya zhizni* [The memories of life]. *Russkaya starina – Russian Antiquity*, 1909, no. 9, pp. 445–474 (in Russian).
15. Polunov A. Yu. K. P. *Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Rossii* [K. P. Pobedonostsev in the socio-political and spiritual life of Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 374 p. (in Russian).
16. Chicherin B. N. *Vospominaniya. V 2 t.* [Memories. In two books]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovoykh Publ., 2009. Book 2. 258 p. (in Russian).
17. Leonteva O. B. *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX v.* [Historical memory and the images of the past in Russian culture of the XIX – early XX centuries]. Samara, Kniga Publ., 2011. 448 p. (in Russian).

Adonyeva I. G.

Novosibirsk State Technical University.

Pr. K. Marksa, 20, Novosibirsk, Russia, 630073.

E-mail: adoinessa@yandex.ru